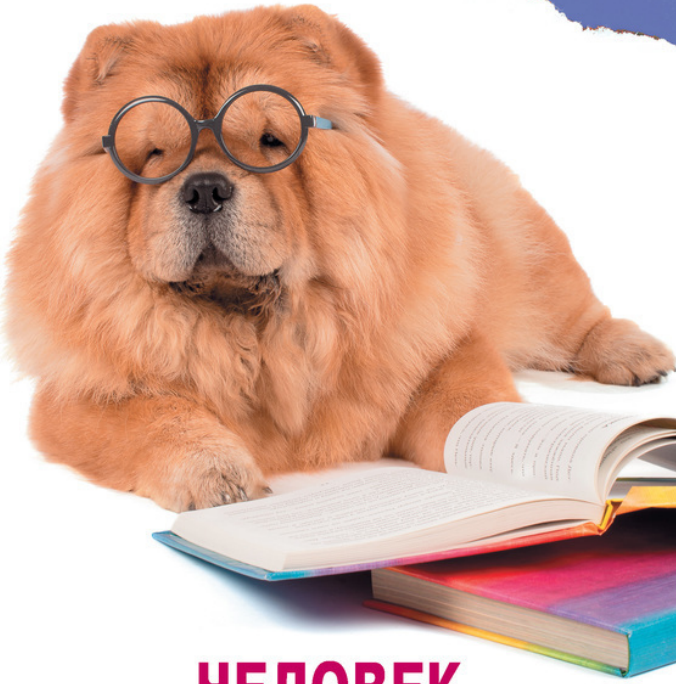
Конрад ЛОРЕНЦ



ЧЕЛОВЕК НАХОДИТ ДРУГА

Конрад Лоренц

Человек находит друга

Серия «Кошки, собаки и их хозяева»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141324
К. Лоренц. Человек находит друга: Захаров; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-101053-9

Аннотация

Кошка и собака. Единственные представители животного мира, которые стали настоящими друзьями человека. Разные, как день и ночь, они были нашими спутниками с незапамятных времен и неизменно сопровождали нас на пути от первобытности к цивилизации. Нет на свете зверя, который подчинил бы всю свою жизнь человеку так, как это сделала собака, и нет зверя, который бы умудрился подчинить себе человека так, как это сделала кошка. Бескорыстный, беспредельно преданный пес и хитрая, капризная кошка стали героями книги Конрада Лоренца, которой вот уже десятилетия зачитываются люди всех возрастов в самых разных странах.

Содержание

Введение. Человек и домашние животные 5
Как, вероятно, все это начиналось 10
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Конрад Лоренц
Человек находит друга

Konrad Lorenz
So Kam Der Mensch Auf Den Hund

© Dtv Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, Munich/ Germany, 1983
© Перевод. И. Г. Гурова, наследники, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Введение. Человек и домашние животные

Необходимость обрекает их
Жить с человеком – на его лугах.
В его дворе иль у него в дому.
И часто нам являет их пример,
Сколь дорогую цену он берет
За покровительство.

Купер. Прогулка в зимний полдень

Сегодня я позавтракал поджаренным хлебом с колбаской. И колбасой и жиром, на котором поджаривался хлеб, я был обязан свинье, которую знавал очаровательным юрким поросенком.

Однако, едва она вышла из этого нежного возраста, я прекратил с ней всякое знакомство, дабы избавить свою совесть от угрызений, когда придет неизбежный час. Я уверен, что, если бы мне пришлось самому убивать животных, которых я ем, на мой стол никогда не попадали бы существа, по интеллектуальному уровню выше рыбы или – в крайнем случае – лягушки. Разумеется, снимать с себя таким способом ответственность – чистейшей воды лицемерие. Но в любом случае отношение человека к животным, которых он выращивал для еды, носит противоречивый характер. У фермеров

оно определяется вековыми традициями и давно уже вылилось в строго определенную, почти ритуальную форму поведения, что полностью освобождает их от ощущения моральной ответственности и вины. Для человека же, профессионально занимающегося изучением умственных способностей животных, эта проблема приобретает совсем иное освещение. С его точки зрения, необходимость убивать домашних животных куда более тягостна, чем отстрел дичи. Охотник незнаком со своей добычей лично – во всяком случае, он сам ее не выращивал. А главное, дикие звери знают, что им постоянно грозит гибель.

В моральном аспекте свернуть голову домашнему гусю, доверчиво тянущемуся к вам за кормом, куда труднее, чем, затратив немало терпения и физических усилий, подстрелить его дикого собрата, который не только знает о подстерегающей его опасности, но и имеет возможность избежать ее. Однако позиция человека по отношению к тем домашним животным, которых он не ест, а использует для других целей, пожалуй, еще более сомнительна, чем его позиция по отношению к тем, которых он потребляет в пищу и которые до своей обычно быстрой и безболезненной смерти ведут легкую и беззаботную жизнь. Судьба лошади, чье существование по мере приближения старости становится все более тяжким, слишком трагична, чтобы на ней хотелось останавливаться. К наименее приятным чертам взаимоотношений человека и домашних животных относится хладнокровие, с

которым он забивает телят и даже самих коров, когда, выдоенные досуха, они перестают «оправдывать себя».

Только с самой широкой биологической точки зрения, рассматривая не индивидуальные особи, а вид в целом, мы можем считать связь между человеком и домашними животными взаимовыгодным «симбиозом». Ведь как и лошадь, и корова, и овца, и прочие домашние животные получили от своего одомашнивания бесспорную выгоду, поскольку их дикие предки, не способные существовать в цивилизованных странах, давно уже вымерли.

К тому же человек никогда не брал на себя по отношению к ним никаких моральных обязательств, и, собственно говоря, он обращается с ними так, как в древности даже высокоцивилизованные народы обращались с пленниками, захваченными на войне. А в первобытные времена таких пленников нередко просто ели. И победители при этом испытывали куда меньше нравственных сомнений, чем испытывал их сегодня утром я, завтракая колбасой.

Только два вида животных стали членами домашнего круга человека не как пленники и были приручены не с помощью принуждения. Я имею в виду собаку и кошку. Их объединяют два момента – оба они хищники и у обоих человек использует их охотничьи способности. А во всем остальном, и главное – по характеру своих отношений с человеком, они разнятся между собой как день и ночь. Нет другого животного, которое так кардинально изменило бы весь образ

жизни, всю сферу своих интересов, стало бы до такой степени домашним, как собака; и нет другого животного, которое за долгие века своей связи с человеком изменилось бы так мало, как кошка. Утверждение, что кошки, если исключить несколько декоративных пород, вроде ангорской или сиамской, в сущности, вовсе не домашние животные, а подлинно дикие существа, – во многом справедливо. Кошка, сохраняя полную независимость, предпочитает селиться в домах и хозяйственных постройках человека по той простой причине, что нигде больше мыши не водятся в таком количестве. Сила обаяния собаки заключена в глубине дружбы и крепости духовных уз, которые связывают ее с человеком, а очарование кошки объясняется как раз тем, что она не вступила с ним в тесный контакт, что она охотится в его конюшнях и амбарах с таинственной и недоступной даже тогда, когда нежно трется о ноги хозяйки или ублаготворенно мурлычет у огня. Для меня мурлыкающая кошка – это символ домашнего очага, уютного покоя. Мне было бы так же трудно обойтись без кошки в моем доме, как и без собаки, которая трусит со мной по улице или по лугу. С самого раннего детства я всегда был окружен собаками и кошками, и в этой книге я расскажу о них. Деловитые друзья советовали мне написать отдельную книгу про собак и отдельную книгу про кошек, потому что люди, любящие кошек, часто не выносят собак. На мой взгляд, истинная любовь к животным и понимание их доказывается как раз тем, что один и тот же человек ис-

пытывает симпатию и к собакам, и к кошкам, умея ценить особые качества как тех, так и других. А потому эту маленькую книгу я посвящаю всем тем, кто любит и понимает и собак, и кошек.

Как, вероятно, все это начиналось

Дана им мудрость тонкая чутья,
И по лицу, по виду человека
Цель тайную его прочесть умеют.
Не раз спасенье обретали мы
В том свойстве, что самим нам недоступно.

Купер

Сквозь густые заросли высоких степных трав пробирается кучка нагих людей – первобытная орда. Да, это, несомненно, люди такие же, как мы с вами, их сложение ничем не отличается от сложения современного человека. В руках они держат копья с костяными наконечниками, а некоторые даже вооружены луками и стрелами, однако в их поведении есть что-то, чего в наше время нельзя найти даже у племен, стоящих на самом низком уровне развития, что-то, что мы привыкли замечать только у животных. Эти люди еще далеко не владыки Земли, бесстрашно взирающие на все, что их окружает. Нет, они то и дело испуганно оглядываются через плечо, и их темные глаза все время беспокойно бегают. Они ведут себя как олени, как гонимые животные, которые должны быть все время настороже. Они стараются подальше обходить кусты и купы деревьев, где, возможно, прячется хищник, а когда навстречу им, зашуршав ветками, вне-

запно выскакивает крупная антилопа, нервно вздрагивают и поднимают копья, готовясь обороняться. Но тут они узнают безобидное травоядное, и страх сменяется облегчением: они начинают возбужденно переговариваться, а потом раздражаются радостным смехом.

Однако веселье быстро угасает: орда охвачена унынием, и что вполне понятно. Недавно другое, более сильное и многочисленное племя вытеснило их из привычных охотничьих угодий, и вот они вынуждены уходить все дальше на запад, а эти места им совсем незнакомы, и к тому же здесь встречается больше опасных хищников, чем там, где они обитали раньше. Их прежний предводитель, опытный старый охотник, погиб несколько недель назад – его растерзал саблезубый тигр, который ночью подкрался к стойбищу и схватил девочку. Все мужчины кинулись на тигра с копьями.

Предводитель был впереди, и удар огромной лапы обрушился именно на него. Девочка была уже мертва, а старый охотник умер от ран на другой день. Правда, и тигр, пораженный копьем в брюхо, неделю спустя сдох, но это нисколько не облегчало положение орды. Теперь в ней осталось только пять мужчин, а пятерым мужчинам не под силу защитить женщин и детей от крупного хищника. Да и новый предводитель далеко не так опытен и силен, как погибший. Зато лоб у него выше и выпуклее, а глаза более живые и сметливые. Больше всего орда страдает от недосыпания. В своих родных местах люди спали вокруг большого костра, а кроме того, у

них была стража, хотя осознали они это только теперь. По ночам их стоянку тесным кольцом окружали шакалы, которые следовали за ордой, подбирая объедки. Людей и их назойливых спутников не связывала никакая дружба. В шакала, пытавшегося подобраться поближе к костру, летели камни, а иногда и стрела, хотя охотники предпочитали не расходовать стрелы на таких малосъедобных зверей.

Ведь даже и в наши дни у многих народов собака считается нечистым животным из-за своих предков – мусорщиков. Тем не менее шакалы приносили первобытным людям несомненную пользу: следуя за ними, они в какой-то мере избавляли их от необходимости выставлять часовых, так как начинали тявкать и завывать, едва неподалеку появлялся опасный хищник. Люди, еще не умевшие мыслить абстрактно и живущие только настоящей минутой, не замечали помощи своей четвероногой свиты. Но сейчас они лишились этой помощи, и по ночам вокруг их стоянки воцарялась такая жуткая и зловещая тишина, что даже те, кто не должен был сторожить сон остальных, не решались сомкнуть глаз. Вот почему все они были истомлены, и особенно пятеро мужчин, которым теперь, когда их осталось так мало, постоянно приходилось перенапрягать внимание. Так члены этой маленькой орды, усталые, измученные и телом и духом, продолжали плестись по степи, вздрагивая при каждом неожиданном шорохе и хватаясь за копья и луки, – но теперь они все реже разражались хохотом, когда тревога оказывалась ложной.

Начинало смеркаться, и в них пробуждался ужас перед наступающей ночью; ими владел тот страх перед неведомым, который давно прошедшие эпохи так сильно запечатлелся в мозгу человека, что даже в наши дни ночная темнота пугает ребенка, а для взрослых служит символом зла. Это древние воспоминания о тех временах, когда силы мрака, воплощенные в хищниках-людоедах, кидались из непроницаемой тьмы на свою двуногую добычу. Для наших первобытных предков ночь, несомненно, таила в себе неисчислимые ужасы.

Люди сбиваются в тесную кучу, начинают оглядываться в поисках удобного места для ночлега подальше от густого кустарника, грозящего внезапным нападением. Когда такое место будет найдено, они после длительной и сложной процедуры добывания огня разожгут наконец костер, поджарят и разделят скудную еду. Сегодня им удалось раздобыть уже сильно «тронутые» останки вепря, не доеденные саблезубым тигром, от которых мужчины не без труда отогнали гиеновых собак. Нам эти кости с лохмотьями гниющего мяса вряд ли показались бы аппетитными, но члены орды поглядывают на них с голодной жадностью. Несет добычу сам предводитель, чтобы не подвергать соблазну более безответственных своих собратьев. Внезапно группа останавливается, точно по команде. Все головы поворачиваются, и, подобно встревоженным оленям, люди сосредоточивают зрение, слух и обоняние на одном – на том, что настигает их сзади, оттуда, откуда они

пришли. Они услышали звук, сигнал, поданный животными. Но он в отличие от большинства подобных звуков, как ни странно, не означает опасности, хотя подают такие сигналы только преследователи, а жертвы давно уже научились хранить полное безмолвие. И этот звук напоминает скитальцам об их родных местах, о днях, когда их подстерегало меньше опасностей, когда они были счастливы. Где-то далеко позади завыл шакал! И орда с детской, почти обезьяньей импульсивностью уже готова кинуться обратно – туда, откуда доносится вой. И тут молодой предводитель с высоким лбом совершает замечательный, хотя и не понятный для остальных поступок: он бросает останки вепря на землю и принимается отдирать большой лоскут кожи с бахромкой мяса. Дети, решив, что сейчас будут распределять ужин, подходят к нему поближе, но он отгоняет их сердитым бурчанием, кладет оторванный кусок на землю, взваливает вепря на плечи и делает знак орде продолжать путь. Едва они проходят несколько шагов, как мужчина, стоящий на следующей иерархической ступени – он даже сильнее предводителя, но далеко не так сообразителен, – оборачивается и с вызывающим видом указывает глазами и движением головы (не руками, как сделали бы это мы) на брошенный лоскут кожи. Предводитель хмурится и идет дальше. Вскоре второй мужчина поворачивается к оставленному мясу. Предводитель кладет свою ношу, бежит за ним и в ту секунду, когда тот подносит тухлое лакомство ко рту, толкает его плечом так, что он чуть не па-

дает. Они стоят друг против друга с угрожающим видом, наморщив лбы и оскалив зубы, но потом второй мужчина опускает глаза и, что-то бормоча, догоняет орду.

И никто из них не сознает, что они только что были свидетелями события, кладущего начало новой эпохе, свидетелями гениального прозрения, историческая роль которого неизмеримо превосходит разрушение Трои или изобретение пороха. Это не понимает даже сам высоколобый предводитель. Он поступил так импульсивно, не отдавая себе отчета в том, что им руководит желание подманить шакалов, заставить их преследовать за ордой. Он инстинктивно и верно рассчитал, что ветер, который дует им навстречу, донесет запах мяса до ноздрей воющих шакалов. Орда продолжает идти, но по-прежнему нигде не видно достаточно открытого места для безопасного ночлега, и несколько минут спустя предводитель повторяет свой странный поступок, а остальные мужчины сердито ворчат, протестуя. Когда же он отрывает третий лоскут кожи, они почти выходят из повиновения, и предводителю удается настоять на своем только после бешеной вспышки первобытной ярости. Но вскоре заросли редеют и начинается открытая степь. Предводитель сбрасывает останки вепря на землю, к ним подходят остальные мужчины и начинают, ворча и угрожая друг другу, делить ароматный деликатес на кучки, а женщины и дети тем временем собирают топливо для костра, который должен гореть всю ночь.

Ветер стихает, и в наступившем безмолвии чуткий слух первобытных людей улавливает очень далекие звуки. Внезапно предводитель подает негромкий сигнал – все замолкают, настораживаются и застывают в неподвижности. До них вновь доносится вой, но более громкий, чем раньше, – шакалы нашли первый лоскут кожи, и, судя по рычанию и визгу, между ними завязывается драка. Предводитель улыбается и делает знак остальным продолжать работу. Некоторое время спустя рычание и щелканье зубов раздаются еще ближе. И вновь люди внимательно прислушиваются. Внезапно мужчина, который первым хотел вернуться к оставленному мясу, оборачивается и напряженно вглядывается в лицо предводителя. Тот с удовлетворенной ухмылкой слушает рычание дерущихся шакалов.

Теперь, наконец, второй мужчина понимает его намерение.

Схватив пару почти дочиста обглоданных ребер, он с улыбкой подходит к вожаку, толкает его локтем, издает лающие звуки, подражая шакалам, а затем идет с костями в том направлении, откуда они только что пришли. В шагах тридцати от стоянки он нагибается, кладет кости на землю, потом выпрямляется и вопросительно смотрит на предводителя, который с интересом следит за его действиями. Они ухмыляются друг другу и неожиданно разражаются громким беззаботным хохотом, точно двое современных мальчишек после удачной шалости.

Уже наступила темнота, на стоянке пылает костер.

Предводитель снова делает остальным знак замолчать. Из мрака доносится хруст разгрызаемых костей, и внезапно отблеск костра освещает шакала, упоенно пожирающего свою долю ужина. Шакал поднимает голову и опасливо поглядывает на них, но все сидят неподвижно, и он вновь принимается грызть, а они продолжают тихонько наблюдать за ним.

Поистине эпохальное событие – впервые человек покормил полезное животное! И когда люди укладываются спать, их всех охватывает такое ощущение безопасности, какого они давно уже не испытывали.

Проходят века. Сменяется много поколений. Шакалы становятся все более ручными и смелыми. Они собираются вокруг стойбищ большими стаями. Люди тем временем научились охотиться на диких лошадей и оленей, а шакалы изменили некоторые свои привычки. Если прежде они днем прятались и только с темнотой рисковали выходить из густого кустарника, то теперь самые умные и смелые из них превращаются в дневных животных и следуют за людьми, когда те отправляются на охоту. И вполне возможно, что однажды, когда охотники гнались за жеребой кобылой, которую они ранили копьем, произошло что-нибудь вроде нижеследующего.

Люди радостно возбуждены, так как уже довольно долго голодали, и шакалы, которым все это время от них ничего – или почти ничего – не перепадало, сопровождают их с осо-

бым усердием. Ослабевшая от потери крови кобыла прибегает к обычной хитрости затравленной дичи и скрадывает след, то есть возвращается на какое-то расстояние назад, а затем скрывается в кустарнике, расположенном в стороне от ее прежнего следа. Этот прием часто спасал почти обреченную жертву, да и теперь охотники в недоумении останавливаются там, где следы внезапно обрываются.

Шакалы сопровождают людей на почтительном расстоянии, все еще опасаясь приблизиться к шумным охотникам. Идут они по следу людей, а не кобылы, поскольку им нет никакого смысла гнаться за такой крупной дичью – ведь они сами справиться с ней не могут. Однако у этих шакалов, нередко получавших от людей кусочки добычи, вырабатывалось к запаху мяса особое отношение, и в то же время такой вот кровавый след постепенно стал связываться в их мозгу с близкой кормежкой. Сегодня оголодавшие шакалы особенно возбуждены запахом крови, и вот происходит нечто, кладущее начало новым отношениям между человеком и его шакальей свитой: ведущая стаю старая самка с поседелой мордой замечает то, чего не заметили люди, – разветвление кровавого следа.

Шакалы сворачивают и идут по следу самостоятельно; охотники, сообразив наконец, что произошло, так же возвращаются назад. У того места, где след раздваивается, они слышат в стороне завывание шакалов, спешат на звук и видят кровавые пятна там, где шакалья стая утоптала траву. И

тут впервые складывается будущий порядок преследования дичи – впереди собака, за ней человек. Шакалы быстрее людей настигают жертву и вынуждают ее остановиться.

Когда собаки загоняют крупную дичь, в дело вступает особый психологический механизм: затравленный олень, медведь или кабан, бегущий от человека, но готовый драться с собаками, приходит в ярость из-за назойливости этих более слабых преследователей и забывает про главного врага.

Усталая кобыла, которая видит в шакалах только стаю тявкающих трусов, принимает оборонительную позу и яростно бьет передним копытом того из них, кто рискнул подойти слишком близко. Тяжело дыша, кобыла описывает круг, вместо того чтобы бежать дальше. Тем временем охотники, которые слышат, что шакалы теперь сосредоточились в одном месте, вскоре добираются туда и бесшумно окружают добычу. Шакалы быстро отбегают, но так как им никто не угрожает, они остаются. Их предводительница, уже ничего не боясь, кидается на кобылу с яростным лаем, а когда та падает, пораженная копьем, свирепо вцепляется ей в горло и отбегает, только когда к туше подходит вождь охотников.

Этот человек – возможно, праправнук того, кто первым бросил шакалам кусок мяса, – распарывает брюхо кобылы и вырывает кишки. Не глядя на шакалов (это подсказывает ему интуитивный такт), он бросает кишки не прямо им, а чуть в сторону. Седая самка испуганно пятится, но, заметив, что человек не делает никаких угрожающих жестов, а толь-

ко издает дружелюбные звуки, вроде тех, которые часто доносились до их ушей от костра, вцепляется в теплые внутренности. Зажав их в зубах и торопливо проглатывая кусочки, она настороженно оглядывается на человека, а ее хвост вдруг начинает двигаться из стороны в сторону.

Впервые шакал завилял хвостом при виде человека, еще на один шаг приблизив заключение вечной дружбы между людьми и собаками. Даже такие умные животные, как хищники семейства собачьих, не сразу обретают абсолютно новый тип поведения, каким бы благотворным ни был первый опыт. Для этого требуется, чтобы в психике животного образовались определенные связи в результате многократного повторения одной и той же ситуации. Возможно, прошло несколько месяцев, прежде чем эта старая самка снова побежала впереди охотника за животным, проложившим ложный след. И пожалуй, только ее отдаленный потомок научился постоянно и целеустремленно вести за собой охотников к затравленной добыче.

В раннем неолите человек, по-видимому, переходит к оседлому образу жизни. Первые известные нам жилища воздвигались на сваях – они принадлежали людям, которые ради безопасности строили их на отмелях озер, рек и даже Балтийского моря. Мы знаем, что к этому времени собака уже превратилась в домашнее животное. Черепа небольшой, похожей на шпица торфяной собаки, впервые обнаруженные при раскопках свайных поселений у балтийского побережья,

хотя и неопровержимо свидетельствуют о ее происхождении от шакала, тем не менее показывают признаки одомашнивания.

Однако важно вот что: хотя в ту эпоху шакалы были распространены гораздо более широко, чем в наши дни, по берегам Балтийского моря они тогда не водились.

Следовательно, можно предположить, что человек, продвигаясь на север и запад, привел с собой и собак, или полуприрученных шакалов, которые следовали за ним в его странствиях. Когда же он начал строить жилища на сваях над водой и изобрел пирогу (два нововведения, несомненно знаменовавшие значительный культурный прогресс), его взаимоотношения с четвероногими спутниками неминуемо должны были претерпеть кардинальные изменения. Вода уже не позволяла шакалам жить вокруг его стойбища, как прежде. Не могли они и охранять жилища своих хозяев от других людей, нападавших с воды. Представляется логичным, что человек, когда он впервые сменил прежнее стойбище на свайный поселок, захватил с собой и несколько наиболее ручных шакалов – тех, например, которые особенно отличались на охоте и были покладистее большинства своих полудиких собратьев, – и таким образом создал из них домашних собак в буквальном смысле слова.

Даже в наши дни разные народы содержат собак по-разному – вплоть до самого примитивного способа, когда собаки живут стаями вокруг селения и их связь с людьми носит

весьма непрочный характер. Другой тип содержания собак мы находим в любой европейской деревне, где несколько собак связаны с одним домой и принадлежат одному конкретному хозяину.

Вполне вероятно, что такой тип взаимоотношений выработался в процессе развития свайных поселений. Много собак там держать было нельзя, и это, естественно, должно было привести к инбридингу (скрещивание между собой двух близкородственных организмов. Постоянно применяется селекционерами-практиками для улучшения линий сельскохозяйственных животных и растений), что, в свою очередь, способствовало передаче по наследству черт подлинного одомашнивания. Два факта свидетельствуют в пользу этого предположения: во-первых, торфяная собака, обладавшая более короткой мордой и более выпуклым черепом, несомненно, представляет собой одомашненную разновидность шакала, а во-вторых, кости этих животных удавалось отыскать почти исключительно среди остатков свайных поселений.

Эти собаки, должно быть, уже были настолько приручены, что входили в пирогу и спокойно сидели в ней, пока охотник греб к берегу, а по возвращении домой взбирались на помост.

Полуприрученная собака-пария ни за что не сделает этого, и даже выросшие у меня в доме щенки соглашаются в первый раз спуститься в мою лодку или войти в железнодо-

рожный вагон только после моих долгих и терпеливых увещеваний.

Возможно, приручение собаки уже завершилось к тому моменту, когда люди начали возводить свайные постройки, или же оно происходило параллельно с этим процессом. Вполне вероятно, что какая-то женщина, а то и маленькая девочка, играя в «дочки-матери», подобрала осиротевшего щенка и вырастила его в своем доме. Быть может, родителей, а также братьев и сестер этого щенка сожрал саблезубый тигр, так что в живых остался он один. Бедняжка, наверно, скулил и плакал, но никто не обращал на него внимания – в те дни чувствительность была людям несвойственна.

Но вот мужчины уплыли на охоту, а женщины занялись рыбной ловлей, и почему бы нам не вообразить, что маленькая девочка обитателей озерной хижины отправилась туда, откуда доносилось жалобное повизгивание, и в конце концов обнаружила в земляной пещерке крохотного щенка, который бесстрашно заковылял к ней навстречу и принялся лизать ее протянутые руки. Мягкое, круглое, пушистое существо, без сомнения, пробудило в этой маленькой девочке каменного века такое же стремление таскать его на руках и нянчить, какое мы наблюдаем у маленьких девочек нашей собственной эпохи, ибо порождающий его инстинкт материнства не менее древен, чем сам человек. И вот девчушка каменного века, подражая взрослым женщинам, дала щенку поесть и, следя за тем, с какой жадностью он набросился на угощение, ис-

пытала не меньшую радость, чем испытывает хлебосольная хозяйка наших дней, когда гость отдает должное какому-нибудь искусно приготовленному блюду. Вернувшись домой, родители девочки с удивлением и без особого восторга обнаруживают там сонного объевшегося шакаленка. Отец, конечно, намеревается тут же его утопить, но девочка со слезами вцепляется в колени отца, так что он спотыкается и роняет щенка. А когда он выпрямляется и хочет опять его схватить, то обнаруживает, что дочка забилась в самый дальний угол и, обливаясь слезами, прижимает щенка к груди.

Родительское сердце даже в каменном веке все-таки не могло быть настолько уж каменным, и щенку разрешают остаться в доме. Благодаря сытному и обильному корму он быстро растет, становясь большим и сильным. Тут его пылкая любовь к девочке начинает претерпевать изменения, и хотя отец, глава семейства, не обращает на собаку внимания, она постепенно отдает свою привязанность уже не ребенку, а взрослому.

Другими словами, наступает момент, когда щенок, будь он на воле, ушел бы от матери.

До сих пор в жизни нашего щенка девочка играла роль матери, но теперь отец занимает для него место вожака стаи, которому рядовой член стаи обязан непоколебимо служить.

Вначале мужчине эта привязанность только досаждает, однако вскоре он осознает, что на охоте такая прирученная собака будет гораздо полезнее полудиких шакалов, которые

держатся на берегу возле поселка, но, по-прежнему боясь человека, нередко убегают именно в тот момент, когда им следовало бы задержать затравленную дичь. Да и к дичи приученная собака относится куда бесстрашнее, чем ее дикие собратья, так как ее юность прошла в безопасности человеческого жилья и ей не пришлось на опыте познакомиться с клыками и когтями крупных хищников. Вот так собака вскоре становится постоянным спутником мужчины, к немалому огорчению девочки, которая видит теперь своего бывшего питомца, только когда ее отец возвращается домой, – а в каменном веке отцы отлучались из дому очень надолго.

Однако весной, в ту пору, когда шакалы щенятся, отец как-то вечером входит в дом, таща на плече мешок из невыделанной шкуры, в котором кто-то копошится и повизгивает. Он раскрывает мешок, и девочка подпрыгивает от радости, потому что на пол выкатываются четыре меховых шарика. Только мать недовольно морщится, считая, что хватило бы и двух…

Действительно ли это случилось именно так? Ну, нас там не было, однако, если исходить из всего, что нам известно, мы можем спокойно принять и подобную версию. В то же время нельзя закрывать глаза на тот факт, что мы не знаем, действительно ли только обыкновенный шакал (Canis aureus) связал подобным образом свою судьбу с человеком. Весьма вероятно, что в различных областях земного шара приручались, а впоследствии скрещивались различные виды ша-

кала – более крупные и более сходные с волком. Ведь многие домашние животные имеют не одного, а нескольких диких предков. В пользу этого предположения свидетельствует то обстоятельство, что собаки-парии нигде и никогда не общаются с шакалами и не скрещиваются с ними. Господин Шеббер любезно обратил мое внимание на тот факт, что на Ближнем Востоке многие местности изобилуют как одичалыми собаками, так и шакалами, однако смешения между ними не наблюдается никакого. Но, во всяком случае, мы твердо знаем, что тундровый волк вовсе не является предком большинства наших домашних собак, как считалось прежде.

Лишь несколько собачьих пород ведут свое происхождение от волков (и то в не чистом виде), и их особенности служат лишним доказательством того, что они представляют собой исключение из общего правила. Эти породы, обладающие не только внешним сходством с волком – эскимосская собака, ездовые лайки, чау-чау и еще некоторые, – сложились на Крайнем Севере. Чистой волчьей кровью не может похвастаться ни одна из них. Вполне правдоподобным является предположение, что человек, продвигаясь все дальше и дальше на север, вел с собой уже одомашненных собак с шакальей кровью, которые после неоднократных скрещиваний с волками и потомками волков в конце концов стали предками вышеперечисленных пород. Об особенностях психического склада собак с волчьей кровью я еще буду говорить.

В отличие от собаки кошка совсем недавно стала домашним животным, да и то лишь настолько, насколько она вообще способна к одомашниванию. Недавно, конечно, лишь по сравнению с собакой, история которой, по мнению знающих людей, насчитывает сорок-шестьдесят тысяч лет. Я думаю, что человек впервые покормил шакала примерно пятьдесят тысяч лет назад, а впервые поселил его у себя в озерном жилище приблизительно за двадцать тысяч лет до начала исторической эры. Рядом с такими цифрами союз кошки с человеком можно считать событием вчерашнего дня. Те же самые люди, которые в следующем тысячелетии построили пирамиду Хеопса, уже создали более высокую форму культуры: коровы, овцы, лошади были у них такими же домашними животными, какими мы их знаем сейчас, человек жил в каменных домах и обрабатывал свои поля, запрягал в плуг волов, – иначе говоря, различия между тем временем и нашим не так уж велики. Весьма вероятно, что именно в Египте, первой в истории аграрной стране, кошки и присоединились к человеку – ведь огромные хлебные житницы Египта упоминаются еще в Библии. А где есть большие зернохранилища, там всегда заводится множество мышей и крыс, и если в Ветхом Завете среди «казней египетских» мыши не упомянуты, то, наверное, лишь потому, что их и так уже было чрезвычайно много и увеличение их числа не могло произвести заметного впечатления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.